

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАКСИМ МАЙНЕР

НОРВУД

РОМАН

Москва, 2021
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М12

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1252

Художник
И. Воронин

Майнер М.

М12 Норвуд: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3204-2

Жизнь в маленьком городке скучна и однообразна, и поэтому даже мелкое происшествие часто раздувается обывателями до невиданных размеров. Однако Норвуд Грейс в сплетни не верит и, хотя ему всего семнадцать лет, относится к любой вести критически. Но на этот раз, похоже, слухи не врут и север действительно захлестнули полчища оживших мертвецов, а в городок прибыл настоящий интерфектор — профессиональный убийца нечисти! И как тут не поверить, ведь именно Норвуда угораздило оказаться в его помощниках...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Максим Майнер, 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3204-2

ГЛАВА 1

— Он пришел с севера! — Мастер Фонтен говорил негромко, чтобы неожиданный посетитель не услышал. — А ты знаешь, какие дела там сейчас творятся?

— Кое-что слышал. — Я окунул кончик гусяного пера в чернильницу и принялся старательно выводить ровные буквы на тонкой желтой бумаге. Обсуждать визит интерфектора было, конечно, интересно, но и текущие поручения никто не отменял. А наш бургомистр пусть и выглядит как полупустой мех с вином, но, когда злится, может задать настоящую трепку.

— Кое-что?! — Мастер всплеснул руками, отчего широкие рукава мантии съехали вниз. На коже стали заметны выцветшие от времени защитные татуировки. — Нашествие полчищ оживших покойников для тебя «кое-что»?

Я не ответил — письмо пером требует внимательности, и отвлекаться на разговоры нельзя, иначе работу придется переделывать. А что насчет мертвецов, так думаю — слухи сильно преувеличены! На севере живут точно такие же люди, как и здесь, а у нас дня не проходит, чтобы к ратуше не пришел очередной паникер, у которого украли курицу — само собой, для колдовских ритуалов, не иначе. А если кто-то заболит и сдуру кашляет в присутствии рыночных торговки, то вести о возвращении желтой пагубы тут же охватывают весь небольшой городок.

И еще, будь на севере все действительно так плохо, как рисует молва, интерфектор направлялся бы туда, а не оттуда. Правда ведь?

Прежде чем мастер Фонтен успел посетовать на мою неразговорчивость, дверь в кабинет бургомистра отворилась, и на пороге показались сам управитель города и его гость.

— Этих тоже забирайте. — Пухлая рука указала на меня и моего старшего товарища. — А за стражниками я сейчас пошлю ребятню.

— Не забудьте клинки, — бросил интерфектор, даже не взглянув на нас, и направился к лестнице на первый этаж. Подбитые гвоздями из черного серебра сапоги неприятно загромыхали по камню.

Городской глава проводил посетителя тяжелым взглядом и, нахмурившись, произнес:

— Поступаете в полное распоряжение господина интерфектора. Все его приказы выполняйте как мои. И попробуйте только меня опозорить! — Бургомистр погрозил кулаком. — А клинок — вот. Будет один на двоих.

С этими словами он снял с пояса небольшой кинжал и протянул его мастеру Фонтену.

Вообще, оружие из черного серебра должно было быть у каждого — обычной сталью с порождениями зла не справиться. Но стоили такие клинки очень дорого, а значит, обеспечить ими всех было сложно.

Да и зачем в самом деле такое оружие нужно простому писарю? Я и пользоваться-то им не умею! Хорошо еще, что воспитатель, мир его праху, пропил не все деньги, доставшиеся от отца, а хотя бы часть потратил на мою учебу. Иначе я бы и писать не умел.

Через четверть часа к зданию ратуши начали стекаться стражники всех трех ворот, а еще через какое-то время перед образовавшейся толпой выступил господин интерфектор.

— Меня зовут Глен, — произнес он. — И сегодня вы мне можете.

Нельзя сказать, что новость была воспринята с воодушевлением. Всем известно, чем занимаются эти люди, и если одному из них понадобилась помощь, значит, в нашем городе завелась по-настоящему темная тварь.

— Стража встанет в оцепление, — продолжил господин Глен, — дом я укажу.

Городские вояки выдохнули с облегчением и негромко загомонили, постукивая копьями о камень мостовой.

— Где второй писарь? — обратился мужчина ко мне.

Четверть часа назад мастер Фонтен сунул мне в руки клинок, а сам куда-то убежал, сославшись на плохое самочувствие. Закладывать товарища не хотелось, но и лгать под пристальным взглядом интерфектора было страшновато.

— Не бойся, — вдруг тепло улыбнулся господин Глен. — Я опасен только для зла, а ты можешь говорить смело!

— Мастер Фонтен мается животом, господин! — Я все-таки решил на ложь.

— Тогда ты будешь единственным свидетелем, — огорошил меня мужчина и отошел в сторону, позвякивая кольчугой.

Почетная обязанность, но очень опасная! Свидетель должен отправиться вместе с интерфектором, а после подтвердить, что убитое существо действительно было порождением зла. Но если что-то пойдет не так... Шансов выжить практически нет. Теперь понятно, почему убежал мастер Фонтен.

После короткого инструктажа, который свелся к необходимости залить уши воском, дабы не поддаться на темные чары, мы двинулись за городскую стену. Целью был небольшой деревянный дом в два этажа, где, насколько я знал, сейчас никто и не жил.

— Как тебя звать? — спросил господин Глен, когда стражники окружили дом.

— Норвуд, господин. — Из-за воска ничего не было слышно, но я смог прочитать вопрос по губам. — Норвуд Грейс!

Мужчина только кивнул, натянул кожаные перчатки с вышитыми защитными символами и вошел в дом. Я последовал за ним.

На первом этаже было грязно, темно и тесно — почти все пространство заставлено каким-то хламом: деревянными ящиками, бочками и тюками. Сквозь щели в ставнях пробивались тонкие лучики, высвечивающие хороводы невесомых пылинок. Никакой угрозы на первый взгляд не ощущалось.

Прежде чем подняться на второй этаж, господин Глен обернулся. Лицо его вмиг побледнело и осунулось, а глаза как-то неестественно заблестели.

— Прости меня, Норвуд Грейс. — Интерфектор ухватил меня за шею и притянул к себе. И, прежде чем удлинившиеся клыки коснулись кожи, добавил: — Но бороться со злом можно, только впустив его в себя...

ГЛАВА 2

Странное дело, но боли я почти не почувствовал — только легкий укол, как будто кто-то из однокашников ткнул в шею кончиком очиненного пера.

Страх почему-то совсем не было, но и вырваться я не пытался, покорно принимая свою судьбу. Уж не знаю, трусость ли это или темные чары так на меня подействовали.

И все-таки какие удивительные совпадения порой случаются в жизни! Мой отец — единственный живописец на всю окру-

гу и самый мирный человек на всем белом свете — тоже умудрился погибнуть от рук порождения зла двенадцать лет назад. И это в нашем-то тихом городишке!

Ну а теперь и я отправляюсь по его стопам. А может быть, такова судьба всей нашей фамилии? Но проверить предположение не получится — поскольку на мне славный род Грейсов и прервется, а для того, чтобы подтвердилась закономерность, событие должно повториться как минимум трижды. Так учил меня отец.

Но был и приятный момент — возможно, я первый из Грейсов, который погибнет с оружием в руках, ведь клинок, выданный бургомистром, все еще находился у меня. От таких мыслей губы даже растянулись в улыбке.

— Ты смотри, он еще и улыбается! — Я не услышал, ведь уши были залиты воском, а прочитал по губам. Причем это оказались вовсе не губы господина интерфектора, плотно прижатые сейчас к моей шее.

Как все-таки хорошо, что воспитатель — земля ему пухом — под конец жизни сильно осип, и было практически не слышно, что он говорит. Иначе вряд ли мне удалось бы так ловко распознать слова красивой черноволосой девушки, которая абсолютно бесшумно спустилась со второго этажа и стояла теперь за спиной господина Глена.

Упырь-интерфектор все слышал прекрасно, а поэтому при первых звуках женского голоса резко развернулся, продолжая удерживать меня за шею одной рукой. Ладно хоть кровь пить перестал, и на том спасибо.

— И давно интерфекторы приняли скверну? — На вид девушке было совсем немного лет — вряд ли больше, чем мне. Но, возможно, молодость и красота — это всего лишь морок, навешенный с помощью темных сил.

А еще она, ни капли не стесняясь, носила мужские штаны и мужской же камзол! Никогда раньше мне не доводилось видеть юную особу, одетую столь неподобающим образом.

Ответ господина Глена разобрать не удалось — он легко развернул мое тело прямо в воздухе и прикрылся им как щитом, оказавшись таким образом за моей спиной.

— Тебе не одолеть меня, глупец. — Девушка рассмеялась. — Даже если ты выпьешь десяток таких же юнцов, как этот!

Шея, сначала абсолютно нечувствительная, начала саднить, да и дышать с каждым мгновением становилось все труднее. Похоже, упырь при укусе впрыскивал какой-то яд, чтобы жертва не чувствовала боли и не сопротивлялась. В одной из отцов-

ских книг я читал, что именно так на далеком востоке охотятся самые опасные змеи. Сейчас же действие отравы ослабело, и чувствительность начала возвращаться.

А вместе с ней вернулись и трезвость мысли, и жажда жизни! Я не хочу умирать, а значит, стоит хотя бы попытаться спастись. И единственный мой шанс — клинок бургомистра.

— Все, что нужно, уже сделано. — Диалог между темной во всех смыслах красавицей и господином Гленом продолжался, но мне по-прежнему были доступны реплики только одной из его сторон. — И если ты убежал с севера, не думай, что север не придет за тобой!

Я попытался ткнуть интерфектора клинком в руку, которой он меня удерживал, и выяснил, во-первых, что вслепую орудовать кинжалом не очень удобно, а во-вторых, что перед использованием стоило вытащить его из ножен.

Единственным результатом, которого удалось добиться, стал бросок, отправивший мое тело в недалекий полет. Хорошо еще, что чувствительность вернулась не до конца и, когда я пошибал собой многочисленные ящики и бочки, было хотя бы не так больно.

— ...знал, что на севере тоже поработали вы! — Интерфектор Глен буквально выплевывал слова, и, рань они в прямом, а не переносном смысле, девушка уже была бы мертва.

Восковая пробка при падении вылетела из одного уха, и теперь я прекрасно слышал все, что говорили порождения зла.

— Мне интересно одно, упырь. — Голос у девушки был звонкий, под стать внешности. — Как тебе удается скрывать свою сущность от братьев? Ведь они должны чувствовать тебя издали...

Однако господин Глен, похоже, окончательно утратил интерес к разговору. Он бросился на красавицу с обнаженным клинком, разбрасывая на пути всякий хлам.

Я же старался отползти к стенке, видя спасение в бегстве. Главное, что кинжал бургомистра по-прежнему у меня и не придется оправдываться из-за потери казенного имущества.

Девушку порыв противника, кажется, абсолютно не напугал. Она только сделала какой-то замысловатый жест пальцами левой руки, а потом громко сказала:

— Стой!

Воздух вокруг вздрогнул, кровь в висках застучала, и я замер как вкопанный, недотянув до выхода совсем чуть-чуть.

А вот господин Глен оказался покрепче меня — приказ остановил его не полностью, и он продолжал идти вперед. Но медленно — так, будто двигался по шею в воде.

— Скольких ты выпил, интерфектор? — Похоже, упырь смог удивить девушку. — Два десятка? Три? Молодая кровь пьянит, не правда ли?

Не дождавшись ответа, красотка сделала несколько неторопливых шагов в сторону лестницы, и тут ее взгляд упал на меня.

— Ты! — новый жест. — Встань!

Сопротивляться этому было просто невозможно. Да я и не пытался, если начистоту.

— Клинок. Достань.

Рукоять легла в ладонь, и я скинул ножны прямо на земляной пол. Надеюсь, не потеряются.

— Коли. В шею. Его.

Интерфектор при моем приближении забился, словно муха в паутине — движения стали быстрее, но девушка не дала ему шанса.

Краем глаза я видел, как ее пальцы плели узор из странных фигур. Вокруг ощутимо похолодало — кажется, даже пошел пар изо рта. Но сейчас это удивляло меньше всего.

— Замри! — Не слова, какой-то рык. — Замри!

И хотя приказ был адресован не мне, сердце провалилось куда-то в район живота, и из глаз потекли слезы.

А интерфектор Глен, кажется, не мог пошевелить даже ресницами. Он так и замер, уставившись в одну точку, и покорно принял десяток ударов клинком в незащищенную шею. Иногда я промахивался, и тогда острие с веселым звоном отскакивало в сторону, не в силах пробить кольчугу.

А когда чужая воля перестала давить, словно десяток мешков с мукой, я повалился на землю рядом с мертвым упырем.

— Не буду тебя убивать, малыш. — Девушка склонилась над нашими телами. — Раз уж ты мне помог. Дам тебе насладиться зрелищем из первых рядов.

И, улыбнувшись напоследок, она быстрым шагом поднялась по лестнице. А я долго лежал и не мог понять, какого цвета ее глаза? Карие или голубые?

Солнце уже склонилось к горизонту, когда стражники наконец отважились зайти внутрь нехорошего дома.

— Глянь-ка, — удивился один. — Это чего, наш Норри интерфектора, что ли, укокошил?

— Странно, но выходит так. — Другой пытался разжать руку и забрать у меня клинок. — Еще и ножик не отдает!

— И чего с ним теперь будет, как думаешь? — Первый поправил съезжавший шлем.

— А чего тут думать? — В проходе появился бургомистр. Наверное, только он и мог загнать сюда стражу. — Суд и казнь, что же еще...

Но неприятные известия пока не сильно тревожили меня. Интереснее было другое — все-таки карие или голубые?

ГЛАВА 3

Конечно, мне не поверили, что господин интерфектор сам оказался упырем, а темная тварь приказала мне его убить. Да и кто бы поверил?

Тем более, когда стражники отважились подняться на второй этаж, оказалось, что там никого и нет. А ведь я отчетливо помнил, что девушка в мужском платье пошла именно туда.

— Допрашивается писарь Норвуд Грейс, от роду семнадцати полных лет, сирота. — Городской дознаватель, старичок Сельдингер, быстро пробормотал предписанное городскими уложениями и сразу приступил к допросу: — Значит, вы вдвоем с господином интерфектором зашли в дом, который был предвзительно оцеплен стражей?

Задавался этот вопрос далеко не в первый раз.

— Ваше беспристрастие, я ведь уже отвечал! — Руки сковали специальными кандалами из черного серебра, покрытого вязью защитных символов. — Да, мы зашли вдвоем, а остальные остались снаружи, но в самом доме интерфектор обернулся упырем, а девушка, которая...

Дознаватель слегка хлопнул морщинистой дряблой ладонью по столу, прерывая мой рассказ.

— Во-первых, юноша, не надо так частить. — Сельдингер указал на мастера Фонтена, записывающего каждое слово. — Писарь не успевает. А во-вторых, отвечайте на поставленный вопрос четко: да или нет. Не нужно мне этих лишних подробностей... Итак?

— Да, ваше беспристрастие, мы вошли только вдвоем. — Я окончательно сник и, наклонив голову, уставился на стол. На потемневшей и потрескавшейся от времени поверхности кто-то из стражников нацарапал несколько бранных слов.

Допрос продолжался с утра и, скорее всего, закончится только поздним вечером — вон на табурете уже приготовлен десяток пузатых свечей. В общем, все пойдет точно так же, как шло последние три дня, — меня не будут слушать, мне не будут верить, и никакой погони за порождением зла, само собой, организовано не будет.

— А вот стражники... — Дознаватель перевернул несколько бумаг в поисках имен. — Дэвид и Росс показали, что никого, кроме вас и покойного, в доме не обнаружили. А в ваших руках имелся клинок, который вы, между прочим, не хотели отдавать!

Бургомистр, когда заметил царапины на металле клинка, так ругался, что даже слег на несколько дней в постель и в ратуше пока не появлялся. Оно и к лучшему — иначе до казни я мог просто не дожить, настолько управитель города был зол.

— Наверное, темная колдунья запудрила им головы, — устало ответил я уже в тысячный раз. — Ее приказов невозможно послушаться, понимаете? Она могла просто сказать, чтобы они ее не замечали, и все! А сама, наверное, сидела на втором этаже и посмеивалась...

Господин Сельдингер слушал эти объяснения со скучающим видом, мастер Фонтен точно так же их записывал, и всем присутствующим, включая меня, было очевидно — дело идет к пыткам. Радовало одно — палач у нас такой же дряхлый, как и дознаватель, а значит, пытать будет так же, как тот расследует.

— Нахождение в доме неизвестной особы не подтверждается никакими другими свидетельствами, кроме ваших! — Обвисший подбородок старичка задрожал от возмущения. — Более того, сам господин бургомистр подтвердил в личной беседе со мной, что никакой девушки в доме не было. А еще он сказал, что вы, молодой человек, склонны выдумывать небылицы и вполне способны на убийство. И поэтому веры вам никакой нет!

Честно говоря, услышав сказанное, я просто опешил. Нет, управитель города бывал со мной строг, но никаких действительных оснований для подобного отношения не было. А уж подзревать меня в склонности к душегубству он не имел ни малейшего повода. И если раньше я все-таки не мог воспринимать всю эту ситуацию всерьез, то теперь предстоящая казнь не казалась мне маловероятным событием. От накотившего страха заныло в животе.

Но оказалось, что поддержка у меня есть. У двери, которую никто, конечно, не охранял, раздался негромкий голос, и из мрака коридора вышел закутанный в темный плащ мужчина.

— Вы зря не слушаете парня. — Говоривший был совсем немолод, но крепок. В нем чувствовалась твердость. — Похоже, он умнее всех вас... Хоть и совсем юнец.

Господин Сельдингер напряженно сглотнул и, чуть-чуть привстав со стула, робко спросил:

— А вы кто, собственно, будете?

Мужчина — назвать его стариком не поворачивался язык — сделал несколько неспешных шагов и вместо ответа сбросил с плеч тяжелый плащ, под которым оказалась длинная кольчуга. В этом не было бы ничего удивительного, кабы не легкая дрожь над металлом, похожая на марево в жаркий день. Броня была целиком сделана из черного серебра.

Никаких других представлений не требовалось — иметь такую вещь мог только интерфектор, причем высокого ранга.

От накотившего облегчения мне почему-то захотелось разреветься. Не знаю, что со мной, ведь я не пролил ни одной слезинки даже на похоронах отца. Грейсы не плачут — так он меня учил.

Интерфектор заметил мое состояние, понял его и объяснил с печалью в голосе:

— Перепады настроения — это последствия встречи с упырем.

— Из-за отравы, которую он впрыскивает в кровь жертвы? — Я поспешил поделиться своим предположением. Мужчина вызывал какую-то необъяснимую симпатию.

— А ты правда умный парень. — Печаль смешалась с удивлением. — Откуда узнал про токсин?

— Догадался. — Похвала незнакомца была очень приятна. И я уже почти решился спросить, кто та девушка из дома, но понял, что даже не знаю, как зовут незнакомца. — Скажите, господин, как мне к вам обращаться?

— Меня зовут Бернард. — Мужчина с тоской посмотрел прямо мне в глаза. — Бернард Глен. И упырь, которого ты убил, был моим сыном...

Я испугался. По-настоящему! Не знаю, почему, ведь в словах не было ни капли угрозы, только печаль и тоска... Но меня просто затрясло, отчего кандалы на руках стали елозить по поверхности стола.

— Не бойся. — Бернард Глен слегка склонил голову. — Я не причиню тебе вреда. И, конечно, не собираюсь мстить... Мой

сын заслужил смерть. А я благодарен, что ты снял с меня тяжелую обязанность. Потому что убить упыря должен был именно я.

Вот почему интерфектор оказался в городе! Он шел по следам упыря, а значит, тоже был на севере...

— Господин... Глен... — произносить это имя было как-то неловко. — Ваш сын обсуждал с той девушкой, которая приказала убить...

— Потом. — Мужчина остановил меня жестом и добавил, обращаясь к дознавателю: — Я, интерфектор левой руки Бернارد Глен, приказываю освободить этого молодого человека. Немедленно и без пререканий.

Дознаватель Сельдингер спорить не стал, поскольку связываться с таким господином себе дороже. Но сложившаяся ситуация ему явно не нравилась, и он без остановки что-то недовольно бормотал себе под нос.

— Наш управитель не сомневается в виновности этого юноши, — удалось наконец расслышать мне.

Теперь недовольство дознавателя стало понятно — интерфектор уедет, а начальство, которое ни с того ни с сего ополчилось против меня, останется.

— И что? — Бернارد Глен тоже расслышал ворчание старика. — Значит, ваш управитель такой же болван, как и вы сами! Неужели нельзя было догадаться осмотреть его?

— Мы осмотрели. — Господин Сельдингер поднимал бумаги, разложенные по столу, пытаясь найти ключ от кандалов. — Никаких странностей — обыкновенный труп.

— Я имел в виду парня. — В голосе интерфектора отчетливо слышалось презрение. — Неужели вы не увидели следы укусов?

Дознаватель на это замечание ничего не ответил, потому как никакого оправдания придумать было нельзя — я много раз показывал ему раны на шее. Маленькие и саднящие, они покрылись запекшейся кровью.

— Разве же это укусы? — негромко пробурчал Сельдингер и наконец разомкнул кандалы найденным ключом. — Как-то осматривал я жертву гуля... Вот там были укусы. А здесь... Да и господин управитель такого же мнения придерживается.

— Замолчите! — Похоже, интерфектор устал от этих бормотаний. — Я уже понял, кто вместо вас вел расследование.

А для меня все это выглядело очень странно, поскольку на мою шею бургомистр ни разу не посмотрел! Да и не был он никогда глупцом. Выпивоха — да. Но не дурак.

Я потер запястья, чтобы разогнать застоявшуюся кровь. Сердце колотилось как бешеное, гулко ухая в груди. Только сейчас — после освобождения — мне стало понятно, какое напряжение я испытывал все это время.

Было не совсем ясно, что теперь делать — оковы сняты, но никто не давал мне разрешения уходить. Да я и сам не знал, чего больше хочу — отправиться домой или поговорить с господином Гленом, который стоял рядом, нахмутив лоб. Видимо, о чем-то размышлял.

Похоже, не я один не понимал, как действовать, поскольку старичок Сельдингер тоже тихонько сидел на краешке стула и молчал, поглядывая на интерфектора.

— Скажи мне, парень, — вдруг обратился ко мне Бернард Глен, — а бургомистр на тебя и раньше имел зуб?

— Н-нет. — Я смутился. Голос интерфектора одновременно и привлекал, и подавлял. Разговаривать с ним хотелось, но почему-то было боязно.

— А на кого-то из твоих близких?

— Я сирота, господин. — Под пристальным взглядом хотелось вытянуться по струнке. — Из близких людей у меня есть разве что соседка — тетушка Ясуи...

— Беженка с Желтых островов? — Господин Глен обратил внимание на необычное имя.

— Да. — Тетушка Ясуи заботилась обо мне после смерти отца. — А почему вы спрашиваете? Про бургомистра, я имею в виду?

Интерфектор хмыкнул, несколько раз прошелся по небольшой комнате взад-вперед и только потом ответил:

— Видишь ли, всерьез обвинять тебя в убийстве моего сына может либо дурак, — тут мужчина бросил короткий взгляд на дознавателя, — либо тот, кто хочет свести личные счеты. Но есть третий вариант. Попытаться свалить все на тебя может еще и...

Господин Глен сделал небольшую паузу, как будто ждал, что я закончу фразу вместо него. Но, как назло, в голове царил пушота, и мне оставалось только молчать.

Выждав мгновение, Бернард Глен закончил мысль сам:

— Пытаться свалить все на тебя может еще и предатель!

На секунду все как будто окаменели, стало настолько тихо, что было слышно, как шелестит бумага, потревоженная залежавшим в оконце летним ветерком. Но длилось это недолго.

— Вы думаете, наш бургомистр пособник тьмы? — Я вскопчил с табурета так резко, что он с грохотом опрокинулся и откатился в сторону.

Со своего места поднялся и мастер Фонтен. Однако, так ничего и не сказав, он только поправил ворот, словно тот мешал ему дышать, и опустился обратно на стул.

Дознаватель Сельдингер тоже промолчал, выражая свое осуждение лишь покачиванием головы и жеванием губ. Правда, было не совсем понятно, чем именно он недоволен — словами интерфектора, моей несдержанностью или возможным предательством управителя.

— Я ничего не утверждаю. — Господин Глен сохранял спокойствие. — Но некоторые странности заставляют задуматься...

Продолжать он не стал. Окинув взглядом присутствующих, остановился на мне, а потом легким движением головы указал на выход.

Оказавшись на лестнице, я еще раз попытался затеять разговор о черноволосой девушке, но господин Глен вновь остановил меня, приложив палец к губам.

— Тихо, — шепнул он и стал, по всей видимости, прислушиваться к тому, что происходит в кабинете после нашего ухода. Однако ничего интересного не случилось — в помещении царила гробовая тишина.

Выждав еще некоторое время, мужчина разочарованно махнул рукой, и мы вышли из ратуши.

— А где ваши люди? — спросил я с недоумением, оглядевшись по сторонам — вокруг никого не было. Только чалая лошадка стояла у коновязи.

— Со мной лишь Соль. — Бернард Глен отвязал животное. — Это моя лошадь.

— Думал, вы прибыли в город вместе с другими интерфекторами! — Мы пересекли главную площадь и свернули на одну из трех улиц, которые от нее отходили. Однако сразу же остановились и встали так, чтобы нас не было видно из ратуши. Мы же беспрепятственно могли наблюдать за ее единственным выходом.

— Я приехал один. — Господин Глен придерживал лошадь под уздцы. — Мы редко объединяемся в отряды... Только если враг слишком силен.

— А чего мы ждем? И что будем делать дальше? У вас есть для меня какие-то поручения? — Вопросы сыпались один за другим. А ведь я еще и сам хотел многое рассказать!

Бернард Глен одним коротким взглядом прервал этот поток, а затем по порядку ответил:

— Ждем — реакции на мои слова. Если здесь что-то нечисто, кто-нибудь наверняка побежит докладывать бургомистру.

Дальше начнем действовать по обстоятельствам, а поручений для тебя, возможно, окажется несколько.

Дело шло к вечеру, но было все еще достаточно светло, и жизнь на улицах как будто остановилась. Особенно это становилось заметно здесь, в самом сердце нашего городка. И если на окраинах или за стенами встречались люди, спешившие по делам, слышались звуки кузниц да переругивания редких лоточников, не успевших распродать утренний товар, то столкнуться с прохожим или повозкой вблизи площади было практически невозможно. И ничего удивительного — строгие цеховые правила предписывали усердно трудиться, пока не стемнеет, а не шляться где ни попадя. Зато после заката горожане спешили прогуляться перед сном, выпить пива и обсудить дневные новости, заполняя улицы городка руганью и смехом.

Долго ждать не пришлось. Буквально через полчаса из ратуши вышла закутанная в плащ фигура и направилась в ту сторону, где жил бургомистр. Понять, кто это, было невозможно — плащ надежно скрывал очертания фигуры, а капюшон — лицо.

— Видишь, Норри, кто-то побежал докладывать управителю, — пробормотал господин Глен. — Значит, что-то тут и правда не так!

Интересно, откуда интерфектор знает и мое имя, и где живет бургомистр? Ведь он сразу понял, что человек в плаще отправился именно туда. Вдруг Бернارد Глен тоже что-то скрывает?

Судя по всему, мужчина заметил недоумение на моем лице, потому как, усмехнувшись, сказал:

— Ты становишься чересчур мнительным, Норвуд Грейс! Я прибыл в город еще утром, поговорил со многими людьми, а тебя вызволять пошел, только собрав необходимую информацию.

От стыда уши загорелись огнем.

Мы не стали преследовать человека в плаще. Хоть солнце и валилось к земле, рисуя на мостовых длинные тени, остаться незамеченными, двигаясь за целью по пятам, было просто невозможно — трудно спрятаться на пустой узкой улочке.

И поэтому мы поступили проще — отправились напрямик к дому бургомистра, но другим путем.

Подковы лошади с цокотом бились о камни, а интерфектор снаряжался, прямо на ходу доставая из седельных сумок различные предметы.

— Я называю их ежами. — Заметив мой заинтересованный взгляд, господин Глен показал пару странных перчаток. Кроме

вышитых на толстой коже защитных символов, в них были вставлены недлинные шипы из черного серебра.

— А клинок? — спросил я, поскольку не заметил его на поясе интерфектора.

— Клинок есть, — ответил он. — Просто мне привычнее пользоваться ежами. В юности приходилось много драться на кулаках...

За время недолгого пути интерфектор обстоятельно расспросил меня о произошедшем в том злополучном доме, о гибели сына и о черноволосой красавице. Господину Глену было тяжело слушать мои ответы — он хмурил лоб, сдвигая седые брови к переносице, иногда громко втягивал носом воздух. А лошадка, словно чувствуя тоску, терлась влажным носом о его плечо.

— А потом она наверняка запудрила головы стражникам и спокойно ушла. — Я закончил свой рассказ. — И никто ее не искал!

— Наверняка так все и было, — согласился со мной господин Глен. — Но стражники не смогли бы ее поймать, Норвуд. Мы называем таких Опаленными, и, хотя темное пламя только слегка обожгло их души, простым людям не справиться с этим злом. Ты сам мог убедиться, что противостоять ее приказам очень трудно...

— Невозможно! — выдохнул я и вздрогнул. В горле пересохло, и я только сейчас отчетливо понял, чем все могло для меня закончиться. — Сопротивляться было просто невозможно!

За разговорами я не заметил, как мы дошли до нужного места, но никого в округе видно не было. То ли человек в плаще добрался раньше нас и находился уже в доме бургомистра, то ли мы опередили его. А может, все это — большая ошибка и зря потраченное время.

Чтобы скрыть подступивший страх и дрожь в коленях, я сделал несколько шагов в сторону и выглянул из-за угла.

Все-таки никакой ошибки не было — к дому бургомистра приближалась фигура в плаще.

ГЛАВА 4

— Прежде чем пойдем, дай мне ответ, Норвуд Грейс. — Интерфектор говорил не торопясь, размеренно и внушительно.

Приближение человека в плаще его несколько не смущало. А тот, к слову, шел небыстро, постоянно оглядываясь, видимо

опасаясь преследования. И даже не задумывался, что слежка, оказывается, может вестись вовсе не со спины! Интересное наблюдение, но не думаю, что оно мне когда-нибудь пригодится. А жаль... Возвращаться к чернилам и перьям совсем не хотелось. Несмотря на все опасности происходящего.

— Мы идем туда, где может повстречаться зло. — Господин Глен глядел мне прямо в глаза. — Темные сущности, как измененные и утратившие разум, так и сохранившие человеческое обличье вместе со способностью говорить. А также их приспешники, служащие за деньги или в надежде приобщиться к скверне. Ты осознаешь их опасность? Ты осознаешь их силу?

— Да-да, — ответил я, чуть запнувшись.

Не понимаю, к чему он клонит? Его сын, например, ничего подобного у меня не спрашивал, а просто приказал следовать за ним. Хотя младшего Глена, как ни крути, нельзя считать образцовым интерфектором.

— Осознавая опасность и силу, готов ли ты пойти со мной, чтобы в последующем подтвердить перед жителями этого города, что убитые мною были заражены тьмой или служили ей? Готов ли ты стать свидетелем моей работы?

Взгляд мужчины буквально придавил к земле, и я не знаю человека, который смог бы ответить «нет» в этой ситуации.

— Готов! — В горле образовался ком. Наверное, от волнения.

Бернард Глен кивнул и положил руку на мое плечо. Только сейчас я понял, что он почти на голову ниже меня.

— А я, интерфектор левой руки Бернард Глен, в свою очередь обещаю тебе, Норвуд Грейс, что сделаю все от меня зависящее для сохранения твоей жизни.

Это внушало надежду! Ведь Защитник, основавший Орден в незапамятные времена, когда Сильные города, как говорят, были еще едины, закрывал страждущих от первых темных сущностей большим щитом. И хотя братья давно не используют подобные, тех из них, кто предпочитает нападению защиту, относят именно к левой руке Ордена. Так, по крайней мере, считается в народе.

На этом церемония, судя по всему, была закончена, и господин Глен слегка подпрыгнул, проверив, не гремит ли снаряжение, и сделал мне знак встать у него за спиной.

Человек в плаще тем временем приблизился к дому бургомистра и в очередной раз огляделся по сторонам. Однако нас он не заметил — угол дома и тень надежно скрывали от глаз. Я, правда, опасался, что лошадь может заржать в неподходящий

момент, но Соль, похоже, была опытной спутницей интерфектора и вела себя очень тихо.

Сам господин Глен, выждав, пока незнакомец повернется к калитке, осторожно покинул наше убежище. Раскрутив над головой тонкую веревку с какими-то шарами на концах, он метнул это странное приспособление в человека в плаще и, не дожидаясь попадания, побежал к нему.

Бола — кажется, эта штукавина называется именно так — с гудением рассекая воздух, впечаталась в незнакомца и принялась закручиваться вокруг его тела, лишая возможности сопротивляться.

Однако ноги человека в плаще оказались свободны, и он, не издав ни звука, бросился бежать прочь от дома бургомистра. Но у интерфектора имелось еще одно метательное средство — очередная бола, только с более короткой веревкой и необычными, будто упругими, грузами на концах.

Посланная твердой рукой Бернарда Глена, она устремилась за пытавшимся скрыться человеком, подпрыгивая при ударах о камни мостовой. Настигнув цель, веревка обмоталась вокруг ног, повалив беглеца на землю.

В одной из отцовских книг я читал, что далеко на юге есть необычные деревья, которые местные обитатели доят как коров, добывая странный материал, отскакивающий от любой твердой поверхности. Я считал, что это все выдумки, но оказалось — диковинка действительно существует!

Интерфектор не стал долго любоваться плодами своих трудов и устремился к поверженному противнику, из которого падение на камни выбило весь дух. Еще бы! Стук, с которым голова встретилась с мостовой, был слышен даже мне.

Клинок он не доставал, и у меня мелькнула мысль попросить его для себя. Не навсегда, конечно, а на то время, пока мы будем охотиться за черноволосой красавицей, которая еще неизвестно что затеяла. Мне ведь нужно иметь возможность защитить себя!

Вспоминая о том ощущении, которое дарует приятная тяжесть оружия в руке, я двинулся вслед за господином Гленом. Интересно же, в конце концов, кто скрывается под капюшоном. Готов поспорить, что это старикан Сельдингер, не иначе!

Однако то, что было секретом для меня, оказывается, вовсе не являлось тайной для моего спутника.

Оказавшись рядом с лежащим противником, он одним движением поднял его за ворот и сказал еще до того, как капюшон был сброшен:

— Ну что, Фонтен, вот и все...

Не знаю, как интерфектор догадался, кто скрывается под капюшоном, но неизвестным действительно оказался именно он — мой старший товарищ и наставник.

— Где она? — Так прозвучал первый вопрос. Господин Глен не кричал, не бил и не мучил пленника, а только придерживал того за край плаща — чтобы не упал.

На мгновение мне показалось, что мастера могли просто отправить в качестве посыльного, но я отмел эту мысль после недолгих раздумий. Никто не пошел бы с поручением к человеку, которого представитель Ордена открыто подозревал в предательстве.

Да и короткого взгляда на нынешнего Фонтена хватало, чтобы понять — образ трусоватого болтливого старика, любителя сплетен, был всего лишь маской.

Сейчас пленник смотрел твердо, голову держал высоко, и худоба теперь не придавала ему изможденный вид, а делала похожим на опасных гибких змей, о которых я читал в книгах. В наших-то краях никаких ползучих гадов не водилось — разве что безобидные ужи, но и тех я ни разу не встречал.

— Норвуд Грейс, ты видишь, что приспешник темных сил не отвечает на поставленный вопрос? — спросил Бернанд Глен, выждав какое-то время.

— Вижу, господин интерфектор, — осторожно подтвердил я, ничего не понимая.

Охотник за нечистью удовлетворенно кивнул и сразу же впечатал кулак, усиленный перчаткой, в живот мастера Фонтена. Конечно, шипы не могли пробить плотную ткань плаща, но и без этого приятного в подобном было мало. А точнее — не было совсем!

Мужчина невольно согнулся и начал заваливаться вперед — делали свое дело закрученные вокруг туловища и ног веревки. Но упасть пленнику не дал господин Глен. Он схватил Фонтена за волосы и ударил еще — на этот раз прямо в лицо!

Странное дело, но вот такое хладнокровное избиение связанного человека произвело на меня большее впечатление, чем нападение упыря, встреча с Опаленной и даже возможная казнь... Нет, разумом я все понимал — с пособником тьмы нельзя церемониться, но поделаться с собой ничего не мог.

Пытаясь перебороть накатившую слабость в коленях, я оперся рукой о стену и пальцами почувствовал теплые капли крови на прохладных камнях. Меня замутило.

— Где она? — еще раз спросил интерфектор у пленника.

Выглядел тот паршиво! Шипы из черного серебра разорвали ноздри и смяли губы, сделав лицо мастера Фонтена похожим на неудачный рисунок неумелого художника, который слишком сильно разбавил краски водой.

Глянув на меня и убедившись, что я все еще смотрю, господин Глен занес кулак для нового удара.

— Постойте! Не надо! — Слова вырвались произвольно.

Заметив недоумение на лице интерфектора, я, с трудом отлипнув от стены, сделал шаг к пленнику и сказал:

— Мастер... Фонтен, к чему это? Зачем увеличивать собственные страдания? — Подобрать нужные слова было непросто. — Что она вам пообещала? Неужели ради этого стоит терпеть пытки?

Я замолчал на мгновение, ожидая хоть какого-нибудь ответа, но его не последовало. Однако, заметив, что господин Глен снова собирается вернуться к собственным методам ведения беседы, я торопливо заговорил вновь:

— Если вы поможете, уверен, это зачтется! Никогда не поздно отказаться от тьмы, мастер Фонтен. — Я спешил привести сразу все аргументы. — Зло всегда обманывает, мне доводилось читать об этом в книгах, и наверняка вам не дадут того, что обещали!

Отчего-то мои доводы развеселили пленника — губы его растянулись в усмешке, что выглядело довольно жутко.

— Ты ничего не знаешь об обмане, Норри, — не очень разборчиво произнес мастер Фонтен. — И ничего не знаешь о тьме. И если думаешь, что у меня был выбор, то ты ошибаешься...

— Выбор есть всегда! — убежденно воскликнул я. — И вы прямо сейчас можете снова сделать его! Расскажите нам все...

Холодный взгляд бывшего товарища как-то резко остудил мой пыл, и я оборвал свою речь на полуслове. Впрочем, главное было сказано.

— Ты хороший парень, Норри, но еще слишком молод и совсем не знаешь жизни. — Мастер Фонтен говорил, кривясь от боли. — Я ничего не скажу. Ни тебе, ни твоему другу. Но знай, это я попросил ее не убивать тебя...

Сначала я ничего не понял и уже хотел было уточнить, что мастер Фонтен имел в виду, но вдруг меня осенило — вот почему он сбежал тогда, сославшись на плохое самочувствие! Не из трусости, а чтобы попросить Опаленную не убивать меня!

— Верить ему не стоит, Норвуд, — негромко произнес господин Глен, который будто читал мои мысли. — Он действите-

льно встречался с ней перед вашим приходом, но только для того, чтобы предупредить Опаленную. Те, кого коснулась тьма, не могут применять свои силы, когда заблагорассудится, им обязательно нужно подготовиться — совершить какой-нибудь ритуал или, например, выпить человеческой крови... Но в любом случае им нужно время. И он дал ей его, вот и все.

— Откуда вы это знаете? — Я ничего не рассказывал интерфектору о том, что мастер Фонтен сбежал перед тем, как мы отправились к нехорошему дому. Не потому, что хотел скрыть, а просто забыл об этом.

— Я же говорил, что прибыл в город с утра, — спокойно ответил Бернард Глен. — Успел опросить всех стражников. Многие из них видели, как твой товарищ уходил... После этого я был уверен, что именно он пособник Опаленной. Больше просто некому — кроме него, никто не отлучался.

— Но ведь это могло быть и совпадением! — Хотя выводы интерфектора полностью подтвердились, мне все равно хотелось спорить. Будто это что-то меняло. — Вашего сына мог заметить какой-нибудь прохожий или сама Опаленная...

— Я не видел сегодня большого количества людей на улицах. — Губы мужчины тронула усмешка. — Но ты прав, это могло бы быть совпадением. Если бы не кое-что еще...

Бернард Глен, заметив мой неподдельный интерес, на несколько мгновений замолчал и продолжил только тогда, когда я уже начал закипать от любопытства.

— Татуировки, — просто сказал он. — Они не должны так сильно выцветать. Вот, смотри!

Интерфектор с трудом обнажил часть предплечья — сделать это было непросто из-за кольчуги, поддоспешника и рубахи — и показал свои татуировки. Вязь защитных символов плотно оплетала видимую часть руки. Да, возможно, они стали несколько бледнее, чем в тот день, когда были нанесены, но все равно выглядели гораздо ярче и насыщеннее, нежели татуировки мастера Фонтена.

— Он не стал порождением зла, — пояснил господин Глен, указывая на пленника, — но принял в себя его крошечную частичку — метку. Именно она и выжигает защитные силы изнутри. Совсем по чуть-чуть, но спустя годы и десятилетия эффект становится заметен.

Никогда о таком не слышал! Самому мне делать татуировки еще рано, да и не обязательно, если честно. Моего отца они не спасли, когда порождение тьмы ворвалось в наш дом.

— А зачем она тогда нужна? — удивился я. — Если выдает пособника зла с головой...

— Метка совсем невелика, но достаточна, чтобы настоящие темные твари чувствовали ее и не нападали, — ответил Бернард Глен и посмотрел сначала на мастера Фонтена, а затем на особняка бургомистра. — Конечно, это касается только тех, кто сохранил разум. Как поведет себя измененное тьмой существо, предсказать нельзя — может быть, оно не тронет помеченного, а может, наоборот, посчитает главной добычей...

Сумрак на улицах становился все плотнее, хотя солнце еще не опустилось за горизонт — сказывалась высота домов. Пусть городок у нас небольшой, но близкие каменоломни позволяли отстраиваться, используя этот прекрасный материал. Поговаривали, что даже один из заезжих купцов, ведущий дела в Сильных городах, очень удивился такому количеству высоких каменных построек и мощеных улиц. После этого наш бургомистр расхаживал с важным видом не менее полугода.

— Думаю, мы допросим этого человека потом, раз уж он все равно ничего не говорит, — сообщил господин Глен, ловко обшаривая пленника и ища оружие. — А сейчас наведемся к бургомистру и выясним, что ему известно...

В сапоге мастера Фонтена нашелся небольшой стилет, который интерфектор просто отбросил куда-то далеко в сторону.

Закончив с обыском, мы подошли к невысокой оградке особняка, и господин Глен, который, оказывается, обладал изрядной силой, с легкостью перекинул пленника через нее. Я же перелез самостоятельно.

— Господин Глен... — Я припомнил о своем желании попросить клинок. — Раз уж вы не изволите использовать в битвах с порождениями зла весь арсенал изготовленного для такой благой цели оружия...

Не знаю, почему из меня вдруг полезли эти витиеватости, наверное, от волнения, но я сбился, запутался в собственных словах и не сумел окончить мысль. Однако интерфектор понял и так.

— Нет. Оружие не дам. Тем более клинок. — Он говорил короткими рублеными фразами. — Свидетелю не положено.

Я, конечно, расстроился, но виду не подал. Раз не положено свидетелю оружие, то и не надо.

Трехэтажный дом с большими застекленными окнами имел несколько входов, но ближайший был закрыт, а тратить время на поиски других Бернард Глен, видимо, не хотел. Как следует

размахнувшись, он засадил локтем по дорожному стеклу и сразу же ринулся внутрь. Острых осколков можно было не опасаться — кольчуга надежно защищала от таких мелочей.

Через мгновение интерфектор выглянул и сделал знак, что можно заходить. Первым в оконный проем полез мастер Фонтен. Оказалось это крайне непросто — мешали спутанные ноги, вынуждающие делать совсем коротенькие шаги. Но он справился, не проронив ни звука.

Следом в особняк забрался и я.

Скудный свет попадал только через окна, а потому в комнатах царил густой полумрак. Вообще, казалось, что в доме никто не живет — не было ни случайных звуков, ни скрипа половиц, ни отблесков фонарей или свеч.

Наше появление наполнило особняк оглушительными шорохами. Шелест, с которым передвигался мастер Фонтен, напоминал шуршание крыльев летучей мыши, а едва слышимое позвякивание кольчуги господина Глена навевало мысли о цепях. Я никаких звуков не издавал — разве что сердце грохотало где-то у горла.

Однако несколько минут неподвижности и отсутствие какой-либо угрозы сделали свое дело — волнение прошло, уступив место любопытству. Хотелось заглянуть хотя бы в соседнюю комнату, но, несмотря на отсутствие прямого запрета, я не спешил, решив сначала обойти по кругу ту, где мы оказались. По-моему, интерфектор не уделил ей должного внимания и следовало исправить эту оплошность.

Господин Глен неспешно осматривал помещения на первом этаже, но всегда находился в прямой видимости и то и дело поглядывал на меня или нашего пленника.

Я же тихонечко шел по кругу, касаясь кончиками пальцев драпированных стен. И это позволило мне заметить небольшую неровность — оказалось, под тканью скрыта потайная дверь.

Прежде чем лезть в обнаруженный проход, Бернард Глен решил осмотреть все остальные помещения в доме, но случай распорядился иначе. Неловко повернувшись, я задел рукой массивный подсвечник, который стоял здесь же, неподалеку, чем привел в действие какой-то механизм, и дверь начала открываться сама.

А за ней обнаружился тот, кого мы и искали, — управитель нашего славного города. Правда, он явно был мертв, но пугало не это — бургомистр, несмотря на вбитый в грудь кинжал, шаркая ногами, двигался в нашу сторону...

ГЛАВА 5

Интерфектор, конечно, сориентировался быстрее меня и несколько раз повернул подсвечник, добившись очередного срабатывания механизма. Но это не помогло — дверь не успела закрыться и только прижала мертвяку руку, что, впрочем, надолго его не задержало — покойник легко освободился, разломав тонкую деревяшку.

Сейчас я понял, как ошибался, предполагая, что мы слишком сильно шумели раньше. Если звон разбитого стекла услышал только бургомистр, запертый в потайной комнате, то треск дерева и разлетающихся щепок разбудили остальных обитателей дома.

Сверху раздались какие-то быстрые, глухие удары, и я не сразу понял, что это просто-напросто топот. Топот ног тех, кто спускался сейчас с верхних этажей.

— Надо бежать, — спокойно сообщил мастер Фонтен. — Не думаю, что остальные обитатели дома отличаются от нашего дорогого управителя.

— Заткнись! — почти беззвучно прошипел господин Глен.

Бургомистр, выбравшись из-за потайной двери, замер аккуратно рядом с разбитым окном и при первых звуках речи начал движение в нашу сторону.

Шел он небыстро и как-то неуверенно, будто на ходулях, но и размеры комнаты были не самыми большими, так что много времени ему не требовалось. Интерфектор торопливыми жестами показал, что нужно скорее убраться с пути мертвяка, и я, как и мастер Фонтен, двинулся вдоль стены, стараясь не шуметь.

Пленнику, конечно, было непросто — мало того что связан по рукам и ногам, так еще и плащ при движении норовил выдать своего владельца шелестом ткани. Смекнув, что находиться рядом с бывшим товарищем опасно, я сначала остановился, а потом и вовсе пошел в другую сторону. Стало немного неловко, будто я бросил его, но один короткий взгляд на бургомистра помог избавиться от этого ощущения.

Выглядел тот неважно — после смерти его раздуло, лицо перекосило, а челюсть болталась при движении из стороны в сторону. Однако ничего смешного в этом не было — от страха сердце колотилось с такой силой, что оставалось удивляться, как оно еще не выскочило из груди...

Топот, возвещавший о скором визите обитателей верхних этажей, становился все громче. Хорошо еще, что мертвяки не могли двигаться быстро, иначе бы они уже были здесь.

Господин Глен показал, что надо выбираться через окно и, не будь бургомистра, бродившего рядом, я уже давно оказался бы на улице.

А городской глава, хоть и двигался беспорядочно, все ближе и ближе подходил к мастеру Фонтену, которого, похоже, выдавала метка тьмы.

И когда между ними осталось всего несколько шагов, я понял, что зря считал мертвяка медлительным. Он ринулся к жертве с такой скоростью, которой трудно было ожидать от столь грузного тела.

Стремительный рывок — и покойник, с грохотом припечатав мастера Фонтена к стене, принялся с отвратительным чавканьем его грызть. Кабы не плотный плащ и веревка, обматывающая пленника, все кончилось бы за считанные мгновения. Мне стало жаль наставника, но я не собирался ему помогать.

Не собирался, но зачем-то поднял тяжеленную шкатулку, стоявшую на столе, и что есть силы опустил ее на затылок покойника. На раздраженное шипение господина Глена, который уже добрался до окна и показывал, что мне нужно следовать его примеру, я старался внимания не обращать.

Увесистая штукавина, оставив вмятину, с грохотом упала на пол, а бургомистр бросил мастера Фонтена и обернулся ко мне. Удар, похоже, не нанес ему никакого серьезного вреда.

Однако прежде чем мертвяк успел ухватить меня своей сишной рукой, в дело вмешался господин Глен.

Длинный прыжок, и интерфектор уже оказался рядом с покойником. Два быстрых тычка, и шипы из черного серебра сначала смяли его висок, а затем раскрошили челюсть. Шаг в сторону, и сильный удар обрушился на пострадавший после встречи со шкатулкой затылок.

Все походило на какой-то танец, однако танцор был все-таки не один. Мертвяк, пусть не так ловко, но не менее быстро развернулся лицом к новой угрозе, забыв и обо мне, и о мастере Фонтене.

Никакого изящества в его движениях не было, но зато хватало напора и, главное, начисто отсутствовал страх. Он просто выставил вперед руки и попер на интерфектора, пытаясь прижать того к стене.

Господин Глен несколько раз увернулся так, чтобы отвести бургомистра подальше от меня и мастера Фонтена, а потом поднырнул под вытянутые руки и нанес еще пару ударов.

Что произошло дальше, мне увидеть не довелось. Подхватив пленника, я помог тому подняться, и мы перевалились через усыпанный осколками стекла подоконник. Оказавшись на прохладной земле и прижавшись к ней щекой, я судорожно выдохнул. С того момента как из потайной комнаты вылез бургомистр, прошло немного времени, но сил совсем не осталось.

Однако расслабляться нельзя! Скоро появятся другие мертвяки, и надо как-то помочь господину Глену...

Но додумать мысль не удалось. Откуда-то сбоку раздался неприятный, незнакомый и какой-то странный голос:

— С кем это ты тут фозишься, а, Фонтенчик?

Тетушка Ясуи всегда утверждала, что я высокий — весь в отца, — но говоривший оказался настоящим гигантом. При этом худ как палка и загорел — практически до черноты, из-за чего лицо сильно выделялось на фоне светлого камзола. Никакого оружия у него в руках не было, но это не удивляло. Как перестал удивлять и его странный говор, причиной которого служили длинные клыки, торчащие из-под верхней губы.

Упырь легко перемахнул или скорее перешагнул через невысокую оградку и сейчас с прищуром смотрел на мастера Фонтена.

— Почему ты сфязан? — поинтересовался он. — Неушели юнец поймал типя, когда ты пришел убивать толстяка?

Так вот, оказывается, зачем на самом деле мастер Фонтен отправился в особняк бургомистра! Чтобы убить его и обрубить тем самым все хвосты, а вовсе не для того, чтобы предупредить! И стилет, брошенный интерфектором где-то здесь, ему нужен был именно для убийства.

— Ты пришел, а толстяк уже мертв! — Упырь расхохотался. От смеха глаза у него как-то неестественно увеличились, а пасть раскрылась шире, чем у собаки. Жуткое зрелище.

— Он был не совсем мертв, — недовольно проговорил мастер Фонтен. — И, видимо, это твоя работа?

Судя по шуму схватки, доносившемуся из дома, господин Глен все еще сражался с бургомистром. Хотя, возможно, к поединку присоединились и другие обитатели дома. А раз так, требовалось что-то срочно делать, иначе интерфектору конец. А если не он, то с упырем справиться будет просто некому.

— Моя, — согласился вампир и сделал всего один шаг в нашу сторону. Всего один шаг, но расстояние сократилось ров-

но наполовину. — Кто-то же должен был подчистить за твоей ненаглядной фнучкой... Фпрочем, это уже не важно — главное сделано.

Я не понимал, о чем идет речь. Неужели Опаленная — внучка мастера Фонтена? И что за «главное», которое уже сделано? Трудно поверить, что их целью было превратить бургомистра нашего городка в мертвяка! Зачем это нужно?

Столько вопросов промелькнуло в голове, и я на мгновение забыл о том, что надо выручать господина Глена. Но торопливый шепот пленника вымел лишние мысли.

— Освободи меня, Норри! — Мастер Фонтен прижался спиной к стене особняка. — Похоже, сейчас мы с тобой в одной лодке и Блэлок убьет нас обоих...

— Именно так. — Оказывается, упырь со звучным именем Блэлок все прекрасно слышал. — Убью обоих. Сначала фыпью юнца, а потом и типя, старик.

Похоже, господину Глену приходилось очень непросто, потому как стены особняка иногда буквально вздрагивали от ударов. Но раз ожившие мертвецы все еще не лезли на улицу, интерфектор пока держался.

Я медленно поднялся на ноги и заглянул в невысокое окно, каким-то чудом сохранившее остатки стекла. Ничего, кроме собственного отражения, увидеть не удалось — схватка шла несколько в стороне, но любоваться на себя сейчас было явно не к месту.

Зато каким-то чудом удалось разглядеть в траве стилет, отобранный у мастера Фонтена интерфектором. Не знаю, как это вышло, ведь на улице уже окончательно стемнело, и только луна старалась осветить землю.

— Я не пойму одного, как ты смог поднять мертвяков? — Мой бывший товарищ, видимо, пытался потянуть время разговором. — Ты же обыкновенный упырь, откуда такие силы?

Несколько осторожных шажков, и стилет стал чуть-чуть ближе.

— Это дело не твоего ума. — Вампир, похоже, наслаждался ситуацией и потому не спешил. А я уже настолько привык к его манере говорить, что больше не замечал изъянов. — Поручение было простое — помогать непутевой внучке и уничтожить бургомистра, если появятся интерфекторы... Но ты не справился, а значит, не очень-то и нужен.

Пока упырь говорил, я оказался рядом с оружием. Пусть оно и не из черного серебра, но все лучше, чем ничего. Опершись о

стену, я начал сползать к земле, будто терял сознание. Мгновение, и рукоять легла в ладонь.

Задача выполнена. Правда, теперь встал вопрос, что делать дальше?

Но долго думать не пришлось — разговоры упырю надоели, он неумовимым движением оказался возле нас и одной рукой схватил за шею меня, а другой — мастера Фонтена.

— Что тебе сказала тогда эта идиотка? — Вампир поднял меня за шею, и мы встретились глазами. Ответить не получилось бы при всем желании — шея горела огнем, а дышать было попросту невозможно. — Что ты знаешь?

Одной рукой я ухватился за пальцы порождения зла, чтобы хоть чуть-чуть уменьшить нагрузку на горло, а другой начал тыкать острием стилета куда придется. Однако никакого эффекта мои удары не имели — упырь, кажется, их даже не замечал.

— Отпусти юнца, кретин, — с трудом прохрипел мастер Фонтен, которому тоже приходилось несладко, хотя его ноги и стояли на земле. — Он же не может говорить!

От недостатка воздуха перед глазами поплыли разноцветная рябь и круги, словно от брошенного в воду камня.

— Отпусти его... — Мой товарищ не оставлял попыток хоть как-то помочь.

— А знаешь, теперь это уже не имеет значения, — задумчиво проговорил вампир, которого не беспокоили ни раны, ни вес моего тела, удерживаемого одной рукой. — Все равно ты сейчас умрешь.

И сквозь туман убегающего сознания я почувствовал прикосновение клыков. Опять.

ГЛАВА 6

Приятная теплота разливалась по всему телу и пульсировала в такт ударам сердца. Все тише и тише. Давно мне не было так хорошо и спокойно. Мысли рвались и распадались, превращаясь в образы. Вот отец, рисующий у окна в нашем доме, и теплое молоко с медом от тетушки Ясуи. Следом прыжок с обрыва в реку, от которого захватывает дыхание, и...

Удар! Спина, повстречавшаяся с оградкой особняка, болела, перед глазами не прекращалось какое-то сплошное мельтешение, а грудь сдавило от отсутствия воздуха. Глубокий вдох — и прохлада, наполнившая легкие, принесла облегчение.

Что-то произошло, но что именно, я понял, только когда увидел распластанную на земле тушу бургомистра и господина Глена, отбивавшегося в доме сразу от нескольких противников, которые лезли, мешая друг другу и устраивая давку.

Судя по всему, он выкинул тушу упокоенного наконец управителя, которая и сшибла всех нас с ног. Даже упыря. Вон он поднимается как ни в чем не бывало и осматривается по сторонам. Видимо, решает, что предпринять дальше — напасть на интерфектора или оставить его заботам мертвецов.

Двигаться совсем не хотелось, хотелось просто лежать и дожидаться конца. Но отец всегда говорил, что как из выпитой чаши можно добыть еще капельку вина, так и в человеке обязательно есть немного сил, каким бы опустошенным он ни был. А значит, нужно брать себя в руки и действовать, ведь помочь господину Глену больше некому — мастер Фонтен лежит без сознания, да еще и связанный. Ему бы кто помог.

Тем более я заметил на огромном пузе бургомистра клинок, который его убийца то ли не посчитал нужным забирать, то ли просто не увидел. Перебарывая подкатывающую дурноту, я подполз к нему на четвереньках и потянул кинжал из ножен. И когда оружие уже почти было у меня в руках, господин Глен прокричал срывающимся голосом:

— Нет! Он не упокоен! Черное серебро его не берет! — В словах мужчины чувствовалось отчаяние. — Беги!

Легко было сказать, да трудно сделать. На карачках особо не побегаешь, а встать на ноги я пока не мог — голова продолжала кружиться.

Однако когда мертвяк зашевелился, я вновь припомнил отцовскую мудрость и, кое-как поднявшись, засеменял в сторону. Теперь у меня имелось два кинжала: в одной руке — стилет, который я так и не выронил, а в другой — клинок. Правда, что делать с этим богатством, было не совсем ясно.

Упырь, к слову, решил сначала разделаться с мастером Фонтеном, лежащим прямо под окном, что казалось довольно глупым — тот, связанный и в беспамятстве, представлял наименьшую опасность. Но, видимо, темные сущности, как и люди, далеко не все умны.

Наверное, правильнее было бы сейчас убежать и оставить интерфектора разбираться с порождениями зла самостоятельно, ведь это его обязанность. Но поступить так я не мог, да и не хотел.

А господин Глен, похоже, решил сравнить темные сущности между собой. Заметив приближение упыря, он выпрыгнул в

окно, а следом буквально посыпались порождения зла, которых, как оказалось, в комнате было четверо.

Не знаю, напали бы покойники на вампира или нет, но тот, не разбирая своих и чужих, принялся с такой силой и скоростью размахивать руками, что ударом отбросил интерфектора на пару шагов. И зацепил сразу нескольких мертвяков, которые тут же набросились на нового врага — им, похоже, не было разницы, кого кусать и рвать на части.

Господин Глен выглядел пугающе, немногим лучше тех, с кем сражался. Не будь кольчуги из черного серебра, выстоять в схватке с такими врагами он бы не смог.

Отвлекаясь, я совсем забыл о бургомистре, который поднялся с земли и медленно пошел в мою сторону. Проблема состояла в том, что и я двигался небыстро, да еще и устал. В отличие от покойника.

Интерфектор заметил мое затруднительное положение и, оставив упыря сражаться с мертвяками, поспешил на выручку. Бургомистр на пустяки не отвлекался и целеустремленно шел за мной. Господин Глен догнал покойника и принялся колотить в спину обломком клинка, пострадавшего в схватке с темными тварями.

Управитель никакого внимания на атаки не обращал, только двигался все медленнее и медленнее, пока в один момент совсем не остановился. Затем он просто рухнул плашмя на землю, чем удивил не только меня, но и интерфектора, который, видимо, уже отчаялся победить это странное существо.

Однако бургомистр явно все еще был жив, если так можно сказать о поднятом тьмой покойнике, и продолжал вяло шевелиться.

— Ничего не понимаю. — Интерфектор говорил очень тихо. — Никогда не встречал таких сильных и живучих. На него не подействовало даже черное серебро...

Видимо, для господина Глена то обстоятельство, что привычное и надежное оружие вдруг подвело, стало сильным потрясением. Мне бы тоже, наверное, следовало удивиться, но сил не осталось даже на это.

Мужчина еще что-то сказал, но расслышать не удалось, как и прочитать по губам — было слишком темно. Я сделал несколько шагов навстречу и на мгновение отвлекся на упыря, который продолжал увлеченно драться с неупокоенными, сильно повредив двоих.

Но обрадоваться не успел — при моем приближении с земли вновь начал подниматься бургомистр...

И без того бледное лицо интерфектора, казалось, совсем обескровилось, когда городской управитель в очередной раз встал на ноги и посеменил за мной, вытягивая переломанные после падения из окна руки.

Торчащие обломки костей белели в темноте, и двигался мертвяк еще медленнее, чем раньше, но эти повреждения никакой надежды уже не внушали. Пусть он нетороплив, но в такой неторопливости чувствовалась парализующая волю неизбежность.

Кажется, я начинал понимать, что ощущает муха, застрявшая в паутине, глядя на приближающегося паука. Неуязвима в свободе своего полета, она, лишившись крыльев, должна была бы кричать от отчаяния, если бы умела это делать...

А отец учил меня, что отчаяние закладывает первый камень на дороге к поражению, но, пока путь не пройден до конца, надежда есть. Значит, если убить бургомистра не получается, попробую просто увести его отсюда, а господин Глен пусть пока разбирается с остальными. А там уже что-нибудь придумаем. Спалю его наконец! Ведь должен же он гореть?

И, развернувшись, я побежал в сторону от места схватки. Хотя правильнее, наверное, будет сказать побрел — несмотря на все мудрости, которые отец успел сообщить мне до своей смерти, сил почему-то больше не становилось. В боку колело, дышалось тяжело, а оградка особняка, до которой было рукой подать, никак не хотела приближаться.

Однако, глянув на преследователя через плечо, я заметил, что хоть расстояние между нами увеличилось незначительно, но мертвяк еще сильнее замедлился и начал покачиваться из стороны в сторону, норовя завалиться на небольшую клумбу. А значит, убежать от него не составит труда.

«Как все-таки по-особенному пахнет ночью трава», — пронеслось почему-то в голове, когда руки коснулись шершавой поверхности камня. Похоже, несвоевременные думы — это проделки вампирского яда, снова попавшего ко мне в кровь. Но то ли на этот раз токсина было меньше, то ли я просто немного к нему привык, не знаю, однако мысли путались не так сильно, как тогда, в нехорошем доме.

С трудом перевалившись через препятствие, я глянул на бургомистра — тот почему-то стоял на месте, прекратив преследование, но и назад при этом не шел. А когда я сделал еще несколько шагов прочь от ограды, мертвяк просто рухнул лицом вперед.

Интересно! Если возвращаюсь назад — порождение тьмы вновь начинает шевелиться, отхожу — замирает. Нетрудно догадаться — его активность как-то связана со мной, потому что на господина Глена покойник вообще никак не реагирует. Ну а так как ничего необычного во мне самом быть не может, значит, дело в клинке, который я стащил с пояса бургомистра.

Вспомнилось, что клинок появился у него совсем недавно — несколько недель назад. Но при жизни управитель к нему такой тяги явно не испытывал, хотя и ценил, что неудивительно — вещь-то дорогая.

— Господин Глен. — Я прошелся вдоль оградки, чтобы оказаться поближе к интерфектору. — Я, кажется, кое-что выяснил!

Мужчина безучастно наблюдал за схваткой упыря и оставшихся мертвяков, тоже не такой яростной, как вначале. Силы вампира, похоже, были на исходе, а покойники, которые вряд ли уставали, просто получили слишком много повреждений. Да и осталось их только двое.

Лучше всего было мастеру Фонтену, ведь он так и не пришел в себя и лежал там же — на земле у разбитого окна.

«Столько всего случилось, — меня закружили неуместные мысли, — и кажется, что прошло много времени. Но на самом-то деле мало. А кажется, что много. Удивительно».

А еще при взгляде на связанного пленника мне почему-то вспомнился случай, когда сапожник Сано Бентал, живший на соседней улице, выпал со второго этажа прямо на камни мостовой. Бедняга помер не сразу и долго мучился, потому как не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ни головой. Лекарь тогда сказал, что это из-за перелома хребта и вылечить такое невозможно...

— Господин Глен! — Я тряхнул головой и потер лоб, пытаюсь сосредоточиться. — Он оживает при приближении клинка!

— И что? — Кажется, у интерфектора опустились руки, и никакой заинтересованности в голосе слышно не было.

— А то, что у меня есть идея! — Я наконец смог собраться с мыслями. — Пока он недвижим, нужно перебить ему хребет!

К чести господина Глена, уныние его быстро оставило. Он глянул на оружие в моих руках, забрал стилет и бросился к бургомистру, который так и валялся, распластавшись на траве. Но что он сделал, я уже не увидел, потому как именно в этот момент в себя пришел мастер Фонтен.

Вместо того чтобы потихоньку откатиться или отползти в сторону, он согнул ноги и, распрямившись, словно часовая пружина, впечатал их в бок упыря.

Нельзя сказать, что это нанесло порождению тьмы какой-то серьезный вред. Вампир только отвлекся на мгновение, но именно этим и воспользовались мертвяки, разом повиснув на обеих его руках.

А я вдруг понял, что это мой шанс. Кровь забурлила, и через ограду удалось перемахнуть без каких-то проблем. Выдохнув, я рванул к упырю, стараясь не запнуться о разорванные на части тела...

Крепко сжав рукоять, безо всяких раздумий я ударил вампира в спину, но неудачно — как раз в этот миг он немного развернулся и клинок только скользнул по ребрам, распоров ткань камзола. В груди екнуло, будто сердце пропустило удар — я испугался, что упырь теперь займется мной.

Но зря — темной твари тоже был ведом страх, ведь господин Глен закончил наконец с бургомистром и присоединился к схватке. И пусть от его клинка остался один обломок, заметить это в темноте было довольно трудно. Кроме того, на перчатках интерфектора сохранилось какое-то количество шипов из черного серебра.

Похоже, упырь понял, что глупостью загнал себя в западню и единственный путь к спасению — бегство. Он зарычал, словно настоящий зверь, стряхнул с рук мертвяков и бросился мимо меня прочь — в темноту.

Не знаю, как удалось среагировать, но напоследок я все-таки успел ткнуть упыря в бедро, что хоть и не замедлило его, но зато, судя по вскрику, причинило боль.

С оставшимися на ногах покойниками интерфектор разобрался достаточно быстро — без поддержки неуязвимого бургомистра они не представляли большой угрозы. Да и упырь обработал их на совесть.

Мастер Фонтен сидел на земле, опершись на стену особняка, а я решил поглядеть, что же господин Глен сделал с управителем. Оказалось, просто по рукоять вбил стилет в спину, повредив хребет мертвяка и тем самым обездвижив его. Неизвестно, что будет, если вытащить оружие, возможно, бургомистр снова «оживет», потому как пальцы его все еще слегка подрагивали. Но выяснять это конечно же не стоит.

— Ничего не понимаю, — произнес интерфектор, осматривая останки порождений тьмы. — И никогда таких тварей не видел! Даже эти, — указал мужчина на тех, с кем сражался

упырь, — отличаются от обычных мертвяков силой и живучестью, а уж бургомистр...

Господин Глен замолчал, будучи не в состоянии описать свое потрясение от встречи с нечистью, неуязвимой для черного серебра.

— Надо его сжечь, — предложил я и сразу же добавил, осененный новой идеей: — А может, стоит попробовать разломать клинок, раз уж он так к нему привязан?

— Не надо торопиться, — хмуро ответил интерфектор. — Стоит внимательно все изучить, но сделать это можно будет только утром... А запалить костер мы всегда успеем, Норвуд.

— Уверен? — прохрипел мастер Фонтен. — Мне почему-то кажется, что эта ночь еще не закончилась...

Я хотел было спросить, что он имеет в виду, но, осмотревшись по сторонам, понял и сам. Город не спал, как ему было положено в это позднее время. Отовсюду доносились вскрики, короткие и обрывающиеся в самый неожиданный момент. Далекий звон разбитых стекол отражался от каменных мостовых и прокатывался по кривым улочкам. Слышался топот невидимых из-за темноты людей, а вдалеке, на окраине, где было много деревянных домов, начинало подниматься оранжевое зарево.

— Пожар. — Казалось, интерфектор спокоен, но впечатление было обманчивым. Через мгновение мужчина проревел: — Да что, тьма раздери, происходит в этом...

Закончить он не успел, потому как послышалось тревожное ржание лошади, и господин Глен, оборвав крик, бросился вырывать свою верную спутницу. Я хотел отправиться следом, но ноги подкосились сами собой, вынудив опуститься на землю. Совсем рядом валялись куски плоти, которую упырь во время схватки с мертвяками отрывал голыми руками, но мне было плевать. За последние дни я, кажется, совсем очерствел.

— Развяжи меня, Норри, — тихонько попросил пленник. — Ты же видишь, какие дела творятся...

— Все это наверняка из-за вашей внучки. — Я припомнил слова девушки о каком-то зрелище, которым мне удастся насладиться из первых рядов. — Готов поспорить на что угодно!

— Не нужно спорить. — Мастер Фонтен не собирался оправдываться. — Ты, разумеется, прав. Но я ничего не знаю об этом, мне было поручено только оказывать содействие...

— Кем? — заинтересовался я. — Кем поручено?

— Да не важно, Норри! — Из темноты снова послышалось ржание, а затем глухие удары, сменившиеся цоканьем копыт —

похоже, интерфектор возвращался, и мастер Фонтен торопливо зашептал: — Сейчас я с вами в одной лодке! Ты же видишь, меня тоже хотят убить... Поэтому развяжи меня, а если нет, тогда прикончи — не хочу становиться кормом для какого-нибудь мертвяка или упыря!

Я не знал, что предпринять. В этих словах имелся смысл, но и идти на поводу у пособника зла было как-то неправильно. Да и страшновато.

Долго терзаться не пришлось — господин Глен, ведший Соль под уздцы, неожиданно сказал:

— Развяжи его, Норвуд. — В голосе слышалась неподдельная тоска. — Думаю, он теперь не самая большая из наших проблем...

— Почему? — подумалось, что на страх уже не осталось сил, но нет — сердце после слов интерфектора ухнуло в низ живота.

— Сейчас я сразил еще нескольких мертвяков. — Господин Глен не бахвалился, а просто объяснял ситуацию. — Обычных, не таких странных, как эти... Но боюсь, они уже орудуют по всему городу. А значит, скоро здесь будет то же самое, что и на севере, — орды покойников и никого живого...

ГЛАВА 7

Не понимаю, почему это происходит именно у нас? Ничем не примечательное поселение, совсем неподалеку есть Сильный город, а если пересечь ближнюю межу, то и не один... Потерянный на рынке кошель становился событием, которое обсуждали неделями! Кому мы такие нужны?

Интерфектора подобные вопросы не интересовали — в причинах можно разобраться потом. Сейчас же нужно сделать так, чтобы это «потом» вообще наступило. А значит, придется снова подниматься на ноги.

— Господин Глен, чем я могу помочь? — шевелиться не хотелось, но пришлось. Мужчины были заняты — перекладывали мертвецов, а это работа не из легких.

— Тварей надо осмотреть, — пояснил свои действия интерфектор, — а в темноте можно что-нибудь пропустить. У седла есть фонарь, зажги его, но постарайся привлекать поменьше внимания.

Соль стояла рядом с оградкой и изредка прядала ушами. Грациозное и сильное животное было напугано — мягкие губы подрагивали, а ноздри раздувались. Однако лошадка, верная

своему наезднику, не двигалась с места, хотя и была не на привязи.

Я потрепал беднягу по шее, чтобы чуть-чуть успокоить, а затем отцепил небольшой фонарь, рядом с которым нашлось и огниво. Несколько ударов кремнем о кресало, сноп искр и малиновый огонек фитиля. Еще мгновение, и дело сделано — подрагивающее пламя, отражаясь от полированных медных стенок, худо-бедно осветило мертвецов, положенных рядом, и мужчин, стоявших поблизости.

— Держи фонарь, Норвуд, — скомандовал интерфектор. — Держи так, чтобы я мог их осмотреть.

Наверное, стоило затащить покойников в дом бургомистра, но не хотелось тратить на это время и силы.

Отблески пламени придавали застывшим лицам мертвяков еще более жуткий вид, делая их похожими на восковые маски, а неровный круг света будто отделял темноту от тьмы.

— Смотри, ногти тверже, чем у людей. — Мастер Фонтен присел рядом с одним из тел и приподнял руку так, чтобы кисть оказалась освещена. — Видел когда-нибудь такое, интерфектор?

— Нет, на севере встречались обычные покойники, просто их было много... — Господин Глен опустил рядом и приподнял верхнюю губу мертвяка. — А вот зубы не изменились.

Мужчины быстро, но тщательно осмотрели тела, предварительно раздев их. Ничего интересного больше обнаружить не удалось — разве что кожа на груди казалась чуть грубее и плотнее, чем у нормальных людей.

Настал черед бургомистра, который при моем приближении зашевелился активнее — я забыл отложить клинок. Управитель изменился сильнее, чем его слуги. Ногти окончательно превратились в когти — длинные, острые и слегка закругленные, а кожа походила на деревяшку — и цветом, и твердостью.

Голые мертвые тела вызывали смущение. Я знал всех этих людей по именам, а теперь стоял над их трупами. Но скорби не было — только облегчение от того, что их печальная участь обошла меня стороной. Может быть, я плохой человек, а может быть, время скорби придет позднее.

Пожар на окраине разгорался сильнее, похоже, все постройки там уже охватило пламя. Хорошо еще, что значительная часть города каменная и вряд ли огонь сможет ее уничтожить.

— Что будем делать, интерфектор? — спросил мастер Фонтен, когда осмотр закончили. — Ты не дашь мне хоть какое-нибудь оружие? Я никак не смогу помочь с пустыми руками...